

15.6.04
409.9

Михаил Ульянов

Сов. культура. - 1991. - 7 сент. (№ 36). - С. 3.

...А на душе — надежно

После трех трагических и одновременно победных дней все мы стали другими. Но шок и эйфория еще не прошли. Время отсчитывается не на дни, а на минуты, прибавляя информации и эмоций, но не прибавляя пока мудрости в оценке ситуации и взвешенности решений. И все же на душе надежно. В глубинной своей сути то, что происходит в Отечестве, обнадеживает. Я верю, что победит здравый смысл, что умные головы окажутся наконец на своих местах, а глупые, соответственно, на своих.

Пролилась кровь. Люди сведущие говорят, что могло быть много, очень много крови. К счастью, обошлось. И теперь одни усиленно ищут врагов, а другие призывают к здравому смыслу и к умным, цивилизованным действиям.

Но не надо быть большим философом, чтобы понять: желание переделать наше существование, потребует громадных усилий, а может быть, и жизни. Нет. Я не пугаюсь сам и никого пугать не хочу. Но отчетливо сознаю: прежде, чем выйти на нормальную че-

ловеческую дорогу, нашему обществу предстоит еще много боев, много истерии и шахрахий в разные стороны. К сожалению, это пока в нашей исторической традиции.

Вот и сейчас спешим раздать всем «сестрам по серьгам». Право победителя — сильная вещь. Но победители бывают разные. Есть победители-захватчики, а есть те, кто отстоял честь, достоинство, свободу своего народа. Наши победители спасли свое Отечество. И теперь главное — законность, разум, добрая во-

ля. Не требовать крови и не увлечься выявлением врагов. Надо заняться делом. А дела у нас неупрочены.

Как театральный человек, не могу не оценить тот блестящий зрелищный эффект, что дала пресс-конференция членов ГКЧП. Я в это время находился на отдыхе, далеко от Москвы. С утра 19 августа на сердце навалилась невероятная тяжесть. Но вечером я включил телевизор и увидел потрясающий спектакль. Какая работа журналистов, какой визуальный эффект! Даже на сердце немного отлегло. Подумалось: с такой командой навряд ли получится. Кажется, первым, может быть, и невольным сопротивлением незаконной власти стала сама эта их пресс-конференция. Хотя понимал и теперь понимаю, что дело могло обернуться и в худшую сторону.

Не перестаю размышлять о личности М. С. Горбачева. На мой взгляд, это фигура поистине трагическая. Ведь именно он столкнулся с мертвой точки наш страшный государственный воз. Начал благое дело. Но оно вырвалось у него из рук.

Образно говоря, Горбачев — не хирург, а терапевт. В то же время именно он долгое время сдерживал правые силы. Иначе страшный нарыв прорвался бы гораздо раньше. Сегодня Президент сказал, что вернулся в другую страну. Но в том, что люди за эти шесть лет стали другими, и его огромная заслуга. Однако его промедления, ошибки, попытки примирить непримиримое тоже дали свои плоды. Горькие плоды. Теперь сама жизнь вынудила его принимать те решения, на которые он раньше никак не хотел ид-

ти. Один из ключевых примеров — отношение к Коммунистической партии.

Отрезвление наступает у каждого по-разному. Мне претит слишком поспешное «да» или «нет». И, конечно же, необходимо отделять позиции, мучительные размышления и ломку устоявшихся взглядов у рядовых членов партии от узколобости властей предрешающих, тем более от лишенных здравого смысла, а теперь уже и попросту преступных действий верхушки, обремененной большими государственными полномочиями.

Я давно уже не понимал, почему тянут, например, с земельца. Я далек от обольщения: раздай, мол, завтра землю — и крестьяне тут же завалят народ продуктами. Но есть же вещь несомненная:

если человек сам хозяин своему делу, он выполняет его совершенно по-иному.

Теперь же, когда убийственное нежелание части политиков внять голосу разума дошло до танков на улицах, до надругательства над элементарными свободами личности, и так с трудом нам достающихся, трезвость пришла окончательно. Неотвратимо. Слов нет, теперь она далась легко, можно сказать, моментально. Но ее принесла сама жизнь.

Долгие-долгие годы над нашим искусством довлел тяжкий принцип партийности в искусстве. Он довел нас до абсурда, коверкал судьбы, истреблял сам дух творчества. Я вовсе не хочу сказать, что художник может быть абсолютно свободен от того, что происходит за окнами его квартиры. Более того, художник, не чувствующий своего времени или не попавший в него (а такие случаи бывают), трагичен.

Каждый человек пристрастен, и творческий человек — не исключение. Пристрастен Пракситель, Сальвадор Дали, Антокольский, Пушкин, Чехов — да кто угодно. Но мы

один вид пристрастия возвели в неукоснительную государственную норму, остальные тем самым поставив вне допустимого, постепенно превращая художника в обслуживающий персонал одной, монополярной идеи. Теперь пути сброшены. Дышать легче. А заниматься творчеством труднее. Надо уметь быть свободным. Это очень нелегкая наука.

Искусство в нашем Отечестве переживает сейчас сложнейшую, парадоксальную ситуацию. В огромной степени — и театр, который мы привыкли считать кафедрой и трибуной. Опыт шести лет перестройки показал, как быстро роль трибуны, роль информационного вестника событий стала тяготить и зрителя, и сам театр. Мощная театрализация нашей жизни давит собственнотheaterность. Наше общество стало участником огромного политического театра. В моем определении нет иронии, я имею в виду то сильнейшее влияние, которое оказывают политические события на эмоции и сознание людей.

Да и сама жизнь стала другой. Резко возросли напряжение, усталость, ощущение не покоя, сильные и противоречивые чувства. Вспоминая го-

ды хрущевской оттепели и думаю: если с точки зрения политической между нашей и той эпохой можно провести какие-то параллели, то в духовной жизни общества сейчас идут совсем иные процессы. Тогда мощно заговорили поэты. Теперь говорят политики, а поэты молчат. Но душа человека по-прежнему требует гармонии, покоя и веры. Люди бросаются к экстрасенсам, колдунам и астрологам. Люди всюду ищут духовной опоры.

В подлинном театре всегда были заложены любовь, покой и вера. Театр — это нечто верховное, своего рода религия. И он должен оставаться таковым, несмотря ни на что: ни на безумный рост цен, ни на предстоящую в труппах жесткую контрактную систему, ни на вынужденную зависимость от хозяйственных учреждений, при каждом обращении к которым все, как в болоте, проваливается под ногами. Несмотря ни на что, люди театра должны заниматься тем, что они умеют делать. В конечном счете главное, что мы можем, — это поднимать уровень своих спектаклей.

Мы вступили в трудное, жесткое время. Но на душе — надежно.

182

Ульянов